

Этим вечером я испытывал невероятное возбуждение, сравнимое разве что с победой в матче на спортивной площадке. Я прекрасно понимал, что подобная радость, построенная на бедах этой Зануды, выглядит не слишком гуманно, но мне было плевать, я был счастлив! Точно так же, как радовался, когда выводил из себя учителей.

Мы с Ян Чжэнем успели вернуться в класс до звонка на урок: перемахнули через невысокую ограду и через балконную дверь проскользнули в помещение. Учитель словесности повернулся к нам и бросил: — Вы в умывальник ходили или сразу купаться?

Весь класс покотился со смеху.

Мы опустили головы на свои промокшие спортивные формы, не испытывая ни малейшего чувства вины, и я простодушно ухмыльнулся: — Вообще-то собирался только руки помыть, да случайно увлёкся.

Класс снова разразился хохотом. — Красава! Жестко! — одобрительные возгласы не смолкали. В тот момент я чувствовал себя центром вселенной и гордо махал всем рукой. Учитель словесности лишь покачал головой.

Я так возбуждился, что после звонка об окончании занятий у меня совершенно пропало желание садиться в школьный автобус и ехать домой. Выделяясь из толпы, я закинул за плечо синюю спортивную сумку через плечо, помахал рукой А Чэну, сидевшему в автобусе, и стал смотреть, как один за другим школьные автобусы уезжают со двора.

В двух учебных корпусах для первых классов наступила тишина. Лишь в нескольких окнах ещё горел свет — судя по всему, там засиделись те самые прилежные ученики, которые упорно готовились к экзаменам за полугодие, как мне казалось.

Было уже половине девятого, а в окнах выпускных классов по-прежнему вовсю горел свет. Я бросил взгляд на окна третьего этажа старшекласников: интересно, сидит ли Линь Вэй до сих пор над учебниками, переживая из-за предстоящих экзаменов, или уже заранее получила зачисление в какой-нибудь университет по спортивной квоте? Вот только на тот самый третий этаж я никогда не решался подняться.

Я принялся бродить по корпусу для десятых классов. Наши первые-десятые классы находились в одном здании, расположенном в самом центре школы, с восточной стороны от экспериментального корпуса, поближе к столовой; а вот с одиннадцатого по восемнадцатый классы занимали западную сторону экспериментального корпуса, ближе к спортивной площадке и спортзалу.

Поддавшись необъяснимому порыву веселья, я догулял от нашего восточного учебного корпуса до западного, где учились одиннадцатый — восемнадцатый классы. Здесь свет в окнах горел гораздо чаще: всё-таки в этом крыле концентрировались классы с углубленным изучением предметов и экспериментальные группы.

Инстинкт соперничества заставил меня остановиться возле пятнадцатого класса. Свет там еще горел, и в окне я увидел одинокую фигурку: за первой партой кто-то сидел и сосредоточенно решал задачу по математике — стрижка под горшок, черная оправа очков, белая короткая школьная форма. Кто же это мог быть, если не Зануда? Только теперь на ее рукаве уже не было красной повязки.

— Кто?! — Почувствовав кого-то у окна, она резко подняла голову. Я испуганно тут же шагнул за стену. Коридорные лампы были выключены, вокруг царила крошечная тьма, и в тени меня вряд ли удалось разглядеть.

Но потом я подумал: с какой стати мне прятаться, разве я не мог прийти сюда совершенно открыто? Неужели я и вправду её боюсь? Только что я одержал блестящую победу!

Я смело высунул голову и заглянул в классное окно — место было пустым.

Внезапно по спине пробежал холодок.

— Опять ты? — Зануда выросла прямо у меня за спиной.

— А-а! — заорал я так, будто увидел призрака.

— А-а! — завопила и она, видимо, перепугавшись моего крика, и инстинктивно врезала мне кулаком в спину. Меня скрутил яростный кашель, я едва не рухнул на пол.

— Ты что, привидение? Появляешься за спиной без звука, хочешь кого-то до смерти напугать?!

— Моя улетевшая в испуге душа медленно возвращалась на место.

— Это ты пугаешь! Поздний вечер ведь! Я вообще-то девушка, мне и так страшно! — ответила она своим фирменным голосом.

— Да ладно! Тебе еще и страшно? Страшно — иди домой! Бьешься больно, гренадер в юбке, — замахал я руками.

— Ты... Ладно, вежливости по отношению к девушкам от тебя не дождешься, но подкрадываться и шпионить — не ожидала, что у тебя есть привычка подглядывать! — Видимо, Зануда решила выместить на этом инциденте всю злость за недавний проигрыш на баскетбольной площадке. Прошло ведь совсем немного времени, и шанс отомстить представился так быстро!

— Никакой я не маньяк-вуайерист! Просто мимо проходил. Гуляю, как и ты. Только ты — во время вечерней самоподготовки, а я — после занятий. — Да, мы снова зацепились языками. Спорить с девчонкой, у которой логика занимает абсолютно всё пространство в голове — настоящее убийство для моих мозговых клеток.

— Ладно, спорить с тобой не собираюсь, мне нужно идти доучивать материал, тратить время на тебя некогда. Вон лестница, скатертью дорожка! — Вот она, натура рационального человека: только что твоя кровь бурлила и хотелось высказаться, как она резко затихает, оставляя тебя в подвешенном состоянии и мучайся теперь как хочешь.

— Чего? А я ведь только-только собрал в кучу все аргументы, чтобы тебя прищучить! — выпалил я первое, что пришло в голову.

Зануда замерла, а затем вдруг прыснула со смеху.

— Так прямо и сказал? — Довольно бросила она и расхохоталась прямо у входа в класс. Её и без того узкие монопальпебральные глаза превратились в две щёлочки.

Кажется, я умудрился задеть её чувство юмора. Странное чувство юмора. Непостижимая изнанка безупречно рационального мышления.

Я остолбенел: Зануда умеет смеяться? И так открыто, ни во всём не ставя меня, соперника, ни во грош? Кажется, я снова проиграл, причем признаю поражение полностью. Мне стало безумно неловко, я так и застыл на месте.

— Ладно, я пойду делать уроки, тебе ведь тоже пора возвращаться так поздно. — Отсмеявшись, она скрылась в классе.

Словно под действием каких-то чар, я поплелся следом за ней.

Она обернулась, увидела, что я вошел, и снова испуганно вздрогнула, но на этот раз не стала предпринимать никаких попыток выгнать меня — просто хлопнула себя по груди и вернулась за первую парту.

— Я так и знал, что ты сядешь на первое место. Крошка-хавронья, — сам не зная зачем я поплелся следом и что еще сказать, я брякнул первое, что пришло в голову.

— Эй! Ты сейчас переходишь на личности! Знаешь вообще, что так разговаривать с девушками неприлично? — Её лицо мгновенно приняло прежнее вредное выражение Зануды.

— Я констатирую факт. Между прочим, ела бы побольше, глядишь, и выросла бы, — я изо всех сил пытался наскрести аргументов для спора.

— И говорить с тобой не хочу. — Она перестала обращать на меня внимание и уткнулась в задачу.

Я присел за парту неподалеку, вытащил книгу Лю Мэна «Лёд — это спящая вода» и, закинув

ноги на стол, принялся читать.

В классе воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием перьевой ручки по бумаге.

Спустя долгое время я понял, что такая развязанная поза не только не помогает разозлить её (она даже не взглянула в мою сторону), но и утомляет меня самого: мышцы поясницы напряглись и начали ныть. Я опустил ноги, с преувеличенным сладострастием потянулся и бросил взгляд на Зануду: та по-прежнему усердно что-то писала и чертила.

— Слушай... а чего ты не идешь домой? Зачем оставаться в школе? — любопытство всё-таки взяло верх.

— Потому что я люблю учиться. Какую-то ерунду спрашиваешь, — она явно не горела желанием передо мной отчитываться.

— И как ты собираешься возвращаться? Уже почти девять часов, между прочим, — не унимался я.

— Конечно же, на автобусе выпускников, — ответила она. Я взглянул на часы: до отправления оставалось всего десять минут.

Темы для разговоров иссякли, и я замолк. Всё-таки она прирожденная отличница: эта худенькая девчонка, которая всего пару минут назад пикировалась со мной, умела выглядеть такой сосредоточенной и тихой. Вот только худая ужасно. Я собирался сострить насчёт того, что эта Зануда — кожа да кости и страдает от недоедания, но даже при всей моей вредности язык не повернулся высказать ей такие жестокие вещи.

Я порылся в сумке и выудил оттуда небольшой пакетик печенья Ваньянцын, протянув его и положив прямо перед ней. Старое доброе классическое печенье в зелено-прозрачной шуршащей упаковке, по три-четверенки штучки в пачке — правда, в рюкзаке оно изрядно раскрошилось.

— Эй, поешь чего-нибудь. Посмотри на себя, одни кости остались, — я почесал затылок: слова про скелет и недоедание всё-таки остались при мне.

— Без тебя разберусь, худая я или нет, — фыркнула Зануда.

— Ох тыж! Делаешь людям добро, а в ответ только ядом брызжешь! Ты что, пульверизатор? Не хочешь — как хочешь, не буду давать! — я попытался забрать печенье обратно.

— Ладно-ладно... ем я, ем. — Поколебавшись секунду, она цапнула пакетик, не оставив мне шанса отобрать его назад. Видимо, и вправду проголодалась.

— Ну ты и одноклассник: чуть что — хамское эй, чуть что — ругательства вроде ох тыж.

Зануда, откусывая маленькими кусочками печенье, обрушилась на меня с яростной критикой.

<http://bllate.org/book/25539/3047039>